

АНАТОЛИЙ
ГАЛКИН

СТРАТЕГИЯ РИСКА

**ЕЩЕ
НЕ
ВЕЧЕР**

Еще не вечер

Анатолий Галкин
Стратегия риска

«Автор»

Галкин А.

Стратегия риска / А. Галкин — «Автор», — (Еще не вечер)

Как трудно жить, если ты богатый и честный! Вокруг одни жулики. Просто жулик на жулике сидит и жуликом погоняет! Тебя могут подставить в два счета. И что тогда делать? Бежать, затаиться у самого синего моря и ждать. Кого ждать? Что может помочь? Только неожиданная любовь. Да еще сыщики из агентства «Сова», которые и тебя из капкана вызволят, и так красиво, мимоходом, еще десяток преступлений раскроют.

© Галкин А.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анатолий Михайлович Галкин

Стратегия риска

Глава 1

Парень в белой мятой футболке выскочил из домика-развалюхи и заметался по захламленному дворику. Глаза его выражали растерянность и страх. Вдруг он на пару секунд замер, а потом бросился к глухому кирпичному забору, перед которым громоздилась куча мусора – ящики, бочки, поломанная мебель... В первый заход испуганный парень чуть не сорвался с этой пирамиды, зацепившись ногой за торчащие во все стороны пружины старого дивана. Но ему все-таки удалось восхождение на вершину горы хлама. Теперь только подтянуться, ухватившись за край забора, и перемахнуть через кирпичную преграду... Руки уже легли на залитую бетоном кромку, мышцы напряглись, но в этот момент сзади раздался хлопок, слабо напоминающий звук пистолетного выстрела. И в этот же момент один из кирпичей над правым плечом беглеца взорвался снопиком искр, мелких осколков и пыли.

Парень развернулся и прижался спиной к стене... Еще хлопок – и футболка на животе вздрогнула, вспучилась и по ней начало расползаться красное пятно... Раненый дернулся всем телом, широко раскинул окровавленные руки и несколько раз взмахнул ими... Новый выстрел – и такое же пятно расплылось на груди... Умиравший запрокинул голову и, продолжая размахивать руками, начал оседать на подгибающихся коленках. Наконец он завалился на вершину мусорной кучи, закрыл глаза и замер. Так смиренно он лежал до тех пор, пока тишину не разорвал визгливый старческий голос, усиленный мощным мегафоном:

– Стоп! Окончили съемку! Перерыв... Позор! Ты, Ракитский, когда умирать научишься? Ты во ВГИКе учился или в балетной школе? Что за взмахи руками? Ты не лебедь умирающий, а бандит... И почему присел, а не скатился вниз? Синяков боишься? Это халтура, дорогой. Умирать надо красиво... Так, всем срочно искать старые одеяла, ватники и прочие мягкие тряпки. Накройте эту кучу. Мне надо, чтоб наш нежный Ракитский скатился с нее и умер по-человечески... Пиротехнику повторно, зарядить актера и забор. Через двадцать минут снимаем второй дубль... Прошу тебя, Ракитский, пожалей мои нервы и японскую пленку. Не держай больше конечностями. Умри натурально.

Съемочная группа не разбегалась. Перерыв был объявлен, но это не означало, что он действительно начался. Необходимо было до конца довести ежедневный ритуал. Каждое утро после первого дубля главный режиссер делал более или менее строгий разнос кому-либо из группы – оператору, гримеру, осветителю или на крайний случай двум прикомандированным ментам, охраняющим площадку от зевак. Все это делалось обязательно через мегафон, громко и прилюдно. Далее провинившийся должен был в нескольких словах выразить понимание, почтение и покорность... Это была разминка, необходимая для самоутверждения главрежа. Ему, знающему о мягкости своего характера, надо было почувствовать, что он очень строг и всех держит в ежовых рукавицах.

Все взгляды устремились на Ракитского. Он не стал ничего говорить, а, балансируя на вершине, умудрился встать на колени и объяснить свои чувства пантомимой. Он простер руки сначала к солнцу, потом протянул их к помосту, где восседал главный режиссер, а в конце скрестил ладони на груди и покорно склонил голову.

Пауза длилась три секунды, после чего вся съемочная группа засуетилась. Порядок! Актер покаялся, режиссер утвердился в том, что он строг и справедлив, а остальные получили передышку. Почти все. Костюмерша пошла за новой футболкой для Ракитского. Гри-

мерша раскрыла свой ящичек, прикидывая, как сотворить актеру предсмертное лицо. Основная работа предстояла пиротехнику.

Юра Сизов работал уже третью картину с этой группой. Благодатное настало время для его профессии. Теперь любят, когда в фильме все взрывается, горит, когда из стен летят осколки, а из актеров брызги крови.

Выстрел в кирпичную стену он подготовил быстро. Проводки были на месте. В углубление лег запал с фасолину величиной, а сверху горсть чуть смазанной клеем пенопластовой крошки кирпичного цвета.

Теперь предстояло зарядить актера.

Ракитский уже лежал на столе посреди двора и две помощницы смывали с него липкую красную жидкость, изображавшую кровь. Делали они это тщательно и, пожалуй, любовно. Особенно повезло той, которая вытирала рану на животе – краски протекли под ремень брюк, а им приказали полностью отмыть главного героя...

Юра Сизов соскользнул с горы, на которую уже набросали кучи тряпья, подошел к Ракитскому и отогнал девчушек с «кровавыми» тряпками:

– Вы его до дыр решили оттирать? Хватит, валите отсюда. Незачем его дочиста мыть. Скоро он опять весь в крови будет.

Пиротехник осмотрел две пластинки, которые пластырем были прикреплены на груди и на животе Ракитского. Потом проверил маленькую коробочку на поясе актера и проводки, которые вели от нее к защитным пластинкам. Что-то ему не понравилось и он начал суетиться, боясь, не успеть ко второму дублю.

Работая, Сизов успевал высказывать актеру все, что он о нем в данный момент думает:

– Ты, Серега, пижон. Старик все правильно тебе сказал. Ты не мог умереть спокойно? Не мог руками не дергать? Ты мне проводок порвал. Хорошо, что я заметил. А то – пришлось бы тебе от одной пули умирать.

Сизов достал две таблетки величиной со старый пятак, прикрепил к ним проводки и приклеил их на пластинки. Сверху каждая таблетка накрывалась маленьким пластиковым пакетиком с «кровью». Оставалось только проверить работу пульта и готово. Можно стрелять.

Ракитский не слушал пиротехника и не следил за его работой. Актерству его учили по системе, а это значило, что следует вживаться в образ. В данном случае – готовиться к смерти. Для этого обычно ищут опорные точки в своей жизни, но двадцатипятилетний Сергей Олегович никогда еще не умирал. Даже не болел сильно. Не попадал под машину. Не тонул... Стоп! Тонул. Было дело. В семилетнем возрасте ловил рыбу с мостков, а ребята сбросили в воду. Плавать еще не умел и тонул взаправду – дергал руками, нахлебался влаги с тиной и ряской... О чем тогда думал? По всем канонам перед глазами должна была пролететь вся маленькая жизнь – не пролетела. Думал о трех шоколадных конфетах, которые были в кармане. Размокнут же, расплывутся...

Почти рядом с лежащим Ракитским за временной загородкой, охраняемой двумя милицейскими сержантами, стояли зрители. Не толпа, но десятка два зевак набиралось. Иногда именно они дарили актеру вдохновение.

Ракитский стал разглядывать каждого, пытаясь отыскать сердобольную старушку с печальными глазами, провожающими его на верную смерть. Но время оказалось неподходящее. Дневное время – часы мексиканских сериалов. И со старушками была напряженка.

Ближе всех стояла группа хихикающих подростков. Рядом – две малярши с соседней стройки. Подальше от ментов – трое бомжей. Глаза у них были подходяще печальными, но явно по другому поводу.

Остальной народ – случайные прохожие, которые две-три минуты с легким любопытством осматривали место съемок и уходили, освобождая место для других.

Дольше всех задержался мужчина лет тридцати пяти. Одет он был на новорусский манер – богато и небрежно. Но прежде всего его выделяли габариты. Ракитский сразу окрестил его «Шкафом» и непонятно почему стал наблюдать за странным субъектом.

Шкаф внимательно смотрел не на миленьких помощниц, не на висящего над площадкой оператора и даже не на него, Ракитского. Громадный гражданин изучал работу Юры Сизова. Именно изучал. Он следил за его руками, пытаясь заглянуть в кейс, где хранились взрывные таблетки, провода и запасы псевдокрови. В какой-то момент Шкаф, стараясь не привлекать к себе внимания, вынул фотоаппарат и сделал несколько снимков. И Ракитский точно видел, что объектив был направлен не на него, а на пиротехника и его чемоданчик. Забавно!

Юра Сизов завершил то, что на киношном сленге называют «посадкой». Он в очередной раз зарядил Ракитского на два выстрела. И стрелять будет он по отмашке главрежа. Вместо пистолета пульт от телевизора «Сони». Первая кнопка – пуля в живот, вторая – в грудь.

Отпуская актера, еще раз проверил защитные пластинки между таблетками и телом. Это он делал всегда. Он хорошо помнил хохму, ходившую в среде актеров и пиротехников... Однажды один недоумок делал «подсадку», замечтался и поставил таблетки прямо на нежное артистическое тело. И ладно бы на дебютанте или подставного каскадера. Так нет – на народного артиста поставил... Жмет на правую кнопку пульта и от «легкой раны» в плечо актер падает замертво. Горе – пиротехник машинально жмет на вторую кнопку. Из груди лежащего народного вырывается фонтан «крови», труп вскакивает, орет непечатные слова и бежит по площадке в поисках вдруг исчезнувшего пиротехника.

Повод для такого нестандартного поведения народного артиста был – два огромных синяка и подпалины на месте таблетки. Но самое смешное не это. На следующий день пиротехник пришел на работу тоже с двумя синяками. Только на других местах – под правым глазом, и под левым. С убитым видом он сообщил, что был на даче и случайно наступил на грабли. Два раза.

В этот день Ракитский умирал еще трижды. На последний дубль у Сизова не хватило пакетиков с кровью. Пришлось срочно искать замену. Презервативы были с собой только у девушек – помощниц. Бутылка красного сухача Каберне нашлась у оператора. По сто грамм в каждую оболочку и на знакомые места Ракитского – на живот и на грудь.

Забавно, но именно этот последний дубль и вошел в фильм. В нем актер был наиболее естественен. Но испуг на лице Ракитского был вызван не близостью смерти, а предстоящими насмешками. И таковые потом были. Самая безобидная: «Сергею Ракитскому смертельно вреден двукратный секс с небольшими дозами алкоголя».

Еще режиссер похвалил Сергея за то, что в его последнем предсмертном взгляде была буря чувств кроме страха: и удивление, и простоватая хитринка, и всякое такое.

Шеф как всегда был прав. Только он считал, что это его настойчивость и режиссерская гениальность вызвала всплеск эмоций актера. Причина была в другом. Повернувшись после первого выстрела Ракитский заметил, что Шкаф, уже третий час околачивается вокруг съемочной площадки, ведет разговор по сотовому телефону и при этом не спускает глаз с пиротехника. Именно там, на вершине мусорной кучи Сергею захотелось проследить за этим бугаем, за этой коротко стриженной горой мяса. Захотелось перехитрить его... Вот она и предсмертная буря чувств.

Ракитский не был другом Сизова. Они корешковали, но только на съемочной площадке. Сергей даже не знал, где живет пиротехник, но после съемок подошел к нему и предложил подбросить до дома на своей машине.

Синяя «девятка», за рулем которой сидел Шкаф тронулась с места одновременно и это доставило Ракитскому огромное наслаждение. Прежде всего, он был горд своей прозорливостью – этот огромный сумрачный человек действительно «пасет» пиротехника. Но главное, что появилась реальная возможность окунуться в настоящее дело. Его, Ракитского, даже в этой

последней картине несколько раз преследовали, два раза пытались убить и один раз все-таки убили. Все это так, но погони снимали эпизодами и часто задом наперед, а убили его сегодня лишь на шестом дубле. И пули не свистели. И кровь была из красного вина налитого в рези- нотехнические изделия номер два... Все ненастоящее. Все игра, фальшивка. А тут начинается серьезная заварушка. Голая правда жизни. Без сценария. Поэтому еще неизвестно, кто в конце погибнет на мусорной куче – актер Ракитский или гнусный Шкаф...

С такими мыслями Сергей гнал свою машину по Москве, резко сворачивая в боковые проулки, перестраиваясь из ряда в ряд, пролетая на перекрестках на красный – делая все, чтоб оторваться от синей «девятки», которую он уже давно не видел за собой.

По дороге Ракитский сообщил пиротехнику о своих подозрениях, но сбивчиво и невнятно, так что тот не принял это всерьез. Актеров Сизов знал хорошо – они еще и не так выпендриваются в поисках вдохновения. Для многих из них очень трудно войти в роль, но еще труднее из нее выбраться. Добрейший малый начинает играть бандита и конец – несколько месяцев к нему лучше не подходить. Вот и этот после сегодняшнего расстрела всех вокруг подозревать начал...

Ракитский подвез Сизова к самому подъезду, проследил, как тот вошел в дом, еще раз для порядка оглянулся и с недовольным видом начал разворачиваться. Обидно было! Конечно хорошо, что он ошибся и Шкаф просто любопытствующий зритель, зевака. Но жаль, что сорвалось приключение.

Обогнув дом, Ракитский проехал метров сто и притормозил. Он вдруг вспомнил слова своего преподавателя из ВГИКа: «В кино нам нужны яркие образы, активные действия. А в жизни все спокойно, незаметней, тише».

И верно. Почему это Шкаф должен был устраивать погоню с визгом тормозов? Он мог быть и не один на съемках. Две-три машины, сменяя друг друга, могли их проводить и подождать пока удалится Ракитский.

Опять обогнув дом Сергей остановился у соседнего подъезда. У того, в который вошел Юра Сизов, он припарковаться не мог – там уже стояли две машины. Из передней вышел огромный мужчина и, не оглядываясь, направился к той самой двери...

Сизова дома никто не ждал. К своим тридцати годам он был еще холостяк. Не убежденный, но... Его всегда учили, что сапер и пиротехник ошибаются всего один раз. И он следовал этому во всем. С взрывными устройствами было достаточно просто – проверил провода-клеммы и жми на нужную кнопку. С девушками же все непонятно. Какие у них там соединения? Какой силы будет взрыв, если не на то нажать?

Юра хотел сразу залезть под душ, но увидел свое кресло посреди комнаты и передумал – решил расслабиться минут на двадцать, закрыв глаза и вытянув ноги.

Устал он сегодня. Не физически – дров не рубил, воду не носил. Но двенадцать пуль в Ракитского он сегодня всадил. По две в каждом дубле. Именно от его пальца на пульте взрывалась таблетка и на теле актера появлялось такое достоверное кровавое пятно. Потом второе. И дальше смерть на куче мусора.

Игра, но на нервы действует... Юра попробовал отвлечься. Это он умел. Он обычно вспоминал море, легкий прибой на пустынном пляже, закат... На этот раз не получилось. К шуму волн примешивался какой-то посторонний неприятный звук – легкий скрежет железа.

Кресло стояло так, что перед глазами была входная дверь. Звук шел оттуда. Мало того – чуть заметно вздрагивала ручка в замке. Значит не ошибся Ракитский?!

В фильмах в такой ситуации актер начал бы заваливать дверь шкафами, тумбочками и прочим тяжелым имуществом. Но у Сизова в коридоре не было громоздкой мебели. И потом он был пиротехник, а его кейс с сегодняшних съемок лежал рядом... Две таблетки в складке дивана, что напротив кресла, две – в сервант около дивана.

Через минуту дверь открылась и в квартиру вошел тот, кого Ракитский назвал Шкафом. Он улыбался, потому что смог – таки распечатать довольно сложный замок. Не потерял еще квалификацию Сизов сидел в глубоком кресле и ждал дальнейших событий. Некоторое спокойствие ему придавал пульт, лежавший под правой рукой.

Шкаф оглядел комнату и, найдя самое подходящее место, бухнулся на диван, наспигованный взрывными таблетками.

Говорить он начал спокойно и примирительно. Ему не надо было пугать собеседника грозными рыками в голосе. Он знал, что его габариты сами по себе страшат любого.

– Ты, друг, не бойся меня. Я к тебе с деловым предложением. Будешь на нас работать.

– На кого?

– Не любопытствуй раньше времени... Мне приказали найти такого как ты, я и нашел.

– Кто приказал?

– Я тебе сказал – не любопытствуй! Собирайся. И штучки все свои прихвати. Надо будет показать, как ты пули на теле взрываешь.

– А если я не поеду?

– А куда ты денешься?

С этими словами Шкаф засунул руку за полу куртки и резким движением вытащил внушительных размеров пистолет, который, правда, в его руке не казался таким уж огромным.

Сизов поднял сначала левую руку, а потом правую, с зажатым в ней пультом. С тоской посмотрел на сидящего на диване и нажал кнопку. И сразу вторую, третью, четвертую...

Такой легкости от этого грузного мужика Сизов не ожидал. После первого взрыва Шкаф подскочил вверх, а после второго полетел вперед, широко разведя руки в стороны. Было похоже на прыжок с трамплина. Только без лыж... А над ним как снежинки засверкали клочки хрустальных вазочек, рюмок и другого содержимого серванта, разнесенного последними двумя взрывами.

Сизов не успел насладиться картиной. Пролетев два метра Шкаф приземлился на него всей своей грудью, опрокинул его вместе с креслом и обмяк. Шевелились лишь его губы, шепотом вспоминая предков пиротехника по материнской линии.

Лежа под своим гостем, Сизов с уважением вспомнил Ракитского. Какое точное прозвище дал этому типу... Попытался выбраться – не получилось. И Сизов уточнил кличку – не просто Шкаф, а книжный, да еще со всеми томами Большой советской энциклопедии.

Не прошло и минуты, как раненый пониже спины бугай встал. Теперь он уже громко начал произносить то, что недавно шептал.

Потом он повернулся к лежащему на полу Сизову спиной и чуть наклонился вперед. Картинка была не для слабонервных: из обгорелых ключев на пиротехника смотрела огромная красная ягодица. Провал! С левой было все нормально.

Выдержав паузу, Шкаф развернулся и неожиданно спокойно сказал:

– Слушай, Юра, у тебя для меня брюк нет? Может какие спортивные. Растянутся... И больше не шути. Мы все про тебя знаем. Родители твои в Малаховке живут. С ними твоя сестра. В институт собирается... Ты же не хочешь, чтоб с ней нехорошее приключилось? И домик у твоих крайний у рощи стоит. Сгореть в одночасье может... Собирайся... Меня, кстати, Иваном зовут. Иван Шорохов. А кликуха моя – Шкаф.

– Очень приятно. А я – Юра Сизов. А кликуха – Пиротехник.

Ракитский прыгнул к рулю, все тело напряглось и он физически почувствовал, как ответственный за это орган выбрасывает в его кровь огромные порции адреналина. Он ждал именно этого, но абсолютно не был готов к такой ситуации. Ну, пошел этот чертов Шкаф к Юре Сизову. Не бежать же за ним? Да и в двух машинах, стоящих впереди, тоже сидят, должно быть, крепкие ребята. Пусть не шкафы, но и не тумбочки. Они не допустят... В милицию бежать? И что

сказать? Я, мол, друга проводил, а через пару минут к дому подъехала машина, из нее вылез здоровый дядька и зашел в тот же подъезд. Вот уже точно – в огороде бузина, а в подъезде дядька.

Еще одна порция адреналина, влилась в молодое тело Ракитского, когда он представил, что пиротехник может быть убит. Вот сейчас Шкаф душит его или готовится стрелять... Актер приоткрыл стекло и высунул в щель ухо. Именно в этот момент сверху раздался выстрел. Потом еще три.

«Все, напоролся! Хотел приключений – получай! Теперь ты, Ракитский, из простого обывателя и актеришки средней руки превратился в нежелательного свидетеля убийства. И, судя по двум машинам впереди, против тебя будет работать не одиночка, а крепкая банда. Организованная преступность!»

Ракитскому так стало жалко себя, что он чуть не заплакал. Имея определенный опыт после просмотра сотен гангстерских фильмов, он знал, что таких свидетелей не просто убивают, а убирают – закатывают под асфальт новой дороги или ноги по колено бетонируют в тазу, а затем сбрасывают с моста в глубокую реку. Последнее особенно обидно – стоять черт знает сколько на дне в мутной, экологически грязной воде, а тебя будут щипать дефективные пучеглазые рыбешки...

Дверь подъезда распахнулась и на пороге появился живой Юра Сизов. Это меняло дело. Ракитский быстро сообразил, что тазик с цементным раствором и рыбки-мутанты откладываются на неопределенное время.

Вслед за пиротехником появился Шкаф. У него и раньше была походка бегемота, но сейчас он не просто тяжело переваливался, а хромал. И очень странно держал кейс – не сбоку, а сзади. Как будто прятал его или хотел что-то прикрыть.

Ракитский точно помнил, что Шкаф входил в дом без кейса. Получалось, что это вещи пиротехника. Возможно, те, с которыми он был на съемках. Получалось, что они насильно увозят Сизова. Похищают!

По здравому размышлению Ракитскому не стоило двигаться вслед за этими двумя машинами. Но он не думал. Им двигали эмоции.

Еще час назад он ждал погони за собой, а теперь он сам догонял. Скорость была приличная и приходилось держаться почти вплотную за второй машиной, чуть не прижимаясь к ее бамперу... Вот вырулили на Ленинский проспект... Проскочили Кольцевую... Оставили позади поворот на Внуково...

Неожиданно «похитители» свернули на узкую боковую дорогу, которая вела в лес. Ракитский чуть поотстал, но продолжал преследование. Он не заметил, как передняя машина притормозила у обочины. Вернее, заметил, когда уже проскочил ее. Но она не осталась стоять в лесу, а, набирая скорость, догнала артиста.

Теперь он оказался «в коробочке». Впереди и сзади по машине, с боков плотная стена ночного леса.

Диктовавшая скорость передняя машина начала притормаживать и остановилась в самом узком и мрачном месте. Дорога не освещалась, огоньков жилых домов видно не было. Кругом лес и тишина.

Из передней машины выползли три силуэта. Из задней – только двое.

В свите фар Ракитский не видел их лиц. Все, что ниже груди он мог разглядеть отчетливо. Шли они неторопливо и оружия в руках не было. С одной стороны хорошо, но это не радовало. Десять кулаков могли быть страшнее пистолета. И то, что они не торопились и не суетились говорило о многом. Эти ребята хорошо знают свое дело.

Ракитский понял, что его непременно попросят покинуть машину. Лучше не нервировать этих товарищей и сделать это заранее. И еще – надо показать им свои мирные намерения. Они не должны его бояться. Он ничего плохого им не сделает.

Передняя дверца открылась мягко и медленно, как театральный занавес.

Ракитский выплыл из машины, но не стал от нее удаляться. Он сделал всего лишь шаг, встал на самое видное место и поднял руки вверх.

Глава 2

Любой пришедший в адвокатскую контору «Брест» мог заметить, что работа кипит. В огромной комнате находилось пятеро сотрудников и все при деле. Две женщины неопределенного возраста прилипли к телефонным трубкам и с деловым видом убеждали в чем-то своих собеседников. Еще двое, но уже мужского пола резво щелкали по клавиатуре компьютеров. Самый молодой из адвокатов тридцатилетний Роман Поспелов выглядел как стратег перед боем. Его стол в дальнем углу офиса был заполнен бумагами. На некоторых листочках были схемы, на других списки и тексты. Над всем этим была занесена рука с цветным карандашом, заточенным с обеих сторон. То там, то здесь появлялись красные или синие стрелочки, рамочки или простые линии. Сам же хозяин стола не сидел за ним, а нависал, обозревая все бумаги сразу. Полководец! Типичный вид штабного генерала перед битвой.

Но так все виделось только с порога и только человеку незнакомому с традициями «Бреста». На самом деле адвокатскими делами занимался лишь один – пенсионного вида мужчина в голубом пиджаке и с пышной еще более голубой бабочкой. Он набирал на экране текст своей заключительной речи на эпохальном процессе о разделе дачного дома. Его клиент хотел получить ту часть, в которой находился туалет. Обосновать это было просто, но противоположная сторона могла найти и свои аргументы. Точно такие же.

Другой адвокат с самого утра вывел на экран карточную игру и уже несколько часов с огромным удовольствием фиксировал все возрастающие суммы своих выигрышей.

Дамы бальзаковского возраста терзали телефон в разговорах со своими мужьями. Одна с бывшим, другая с будущим.

Стратег Поспелов готовился к свадьбе. К собственной! Он воевал на схеме ресторанных залов, пытаясь совместить свои финансовые возможности с желанием разместить максимальное число гостей.

Красным в списках отмечены родственники, чье присутствие на свадьбе вне обсуждений. Синим – друзья и коллеги. Это все гости первого уровня. Остальные – хорошие знакомые, соседи и прочие, весьма приятные люди.

Первыми синих отметок удостоились четверо сотрудников «Бреста», сидящих с Романом в одной комнате. Не пригласить их – форменное свинство. Обидятся. И правильно сделают... Не пригласить же начальника уже не свинство, а просто глупость. Михаил Абрамович Зарубин в свое время сам завлек Поспелова в свою адвокатскую контору и опекал его как отец родной.

Столь же многочисленной группой с синими отметинами оказались сотрудники детективного агентства «Сова». Их шеф Игорь Савенков – готовый тамада. И, вообще он человек хороший. А Олег Крылов – боевой товарищ...

Так, проходясь по списку, Роман убеждал себя, что нереально уложиться в установленный самому себе минимум в сорок человек. К середине дня «неосиненными» остались только двое: дачный сосед, намертво завязавший с алкоголем, и школьный товарищ, уж слишком отвязанный по этой части... Роман вздохнул и вычеркнул их из списка, философски заметив, что крайности плохо уживаются в мире. Все хорошо в меру.

Именно на этом трагическом моменте в комнате раздался звонок, короткой морзянкой возвестивший, что шеф требует Поспелова в свой кабинет.

Роман сгреб со стола секретные документы и спрятал их в свой сейф подальше от любопытных сослуживцев.

Адвокат Зарубин не любил современных офисов. Его передергивало от слов «жалюзи», а тем более «органайзер». На окнах у него были тяжелые темные шторы с легким рисунком, а под руками обычная записная книжка. В том же старомодном духе у него было все: и мебель,

и одежда, и душа, и мысли. Сидел он тоже не на итальянском вертящем кресле на колесиках, а на массивном сооружении из дуба с резьбой.

Михаил Абрамович был не так прост. В своем адвокатском деле он считал себя докой. Клиенту нужна уверенность. А основательность обстановки привлекает жаждущих защиты не меньше, чем его, Зарубина, отчество.

И имя для своей фирмы он выбирал с тем же прицелом. Не вычурное англоязычное, не «Пик энд Дрик» какой-нибудь. А наше, исконное, мощное как крепость на Буге. И клиенты понимали намек: защищая их, адвокаты будут стоять насмерть...

Очередной клиент понравился Зарубину сразу. Было видно, что за решение своего вопроса он готов платить любые деньги.

Михаил Абрамович умел и любил торговаться. На первых же минутах разговоры с клиентом он обычно сообщал возможную сумму гонорара. Это мягко сказано. Он заламывал эту сумму и делал паузу. Ждал реакции. В этот момент он был похож на охотничью собаку, замершую в стойке перед возможной добычей.

Оценив состояние клиента, Зарубин обычно выдавал: «Это наша стандартная ставка, но лично для вас мы можем ее снизить...» Чаще всего он уменьшал сумму в полтора раза. Иногда – в два, и даже в три. Назвав новую цифру, он опять замирал, вытянув вперед шею и поджав под себя переднюю лапу.

Сегодняшний же клиент озадачил Зарубина. Гонорар был назван заоблачный, но впервые Михаил Абрамович решил не спускаться на землю, а подняться еще выше:

– Это наша стандартная ставка, но лично для вас... Могут быть дополнительные затраты. Обычно мы привлекаем детективное агентство «Сова». Одним словом – все может возрасти в два или в три раза.

– Я согласен.

– А иногда и в четыре раза.

– Согласен.

– Отлично! Какова суть вашего дела? Начнем составлять договор.

– Никаких договоров, господин Зарубин. И о сути дела я вам ничего не скажу.

– Не понял.

– Я знаю, что у вас есть молодой толковый парень по имени Роман.

– Есть такой. Роман Пospelов. Это наша гордость.

– Так вот, я хочу, чтоб эта ваша гордость и вела мое дело. Я буду говорить только с Пospelовым.

– А я?

– А вы, господин Зарубин будете получать деньги. Чем плохой расклад?

Михаил Абрамович не долго терзался размышлениями. Только в первое мгновение он готов был возмутиться или обидеться за оказанное ему недоверие. Но расклад действительно был славный: Роман работает, знает все и за все отвечает, а он, Зарубин, ничего не знает, ни за что не отвечает, но получает от странного клиента больше денег. И без договора. Стало быть – и без налогов.

Нетерпеливый клиент решил поторопить Зарубина. Он не стал много говорить, а вытащил из кейса и бросил на стол пухлую банковскую упаковку американских денег.

Михаил Абрамович всегда хвалил себя за осторожность. Вот и сейчас он не стал сразу хвататься за валюту и оставлять на ней свои отпечатки. Не стал он и громко выяснять: задаток ли это или что? Он просто сделал вид, что не заметил пачки. Вызывая Романа, Зарубин потянулся к кнопке звонка на дальнем углу стола, а обратным движением локтя придвинул доллары к себе. Пачка валюты покачалась на краю стола и сама упала в приоткрытый ящик стола.

Роман провел гостя а переговорную. Проходя мимо кофеварки, он включил ее даже не проверив ее заправку – в «Бресте» хватало беспорядка, но эту мелочь отслеживал сам Зарубин. Он был уверен – затраты на гостеприимство и на хороший кофе для клиентов окупятся многократно.

Нельзя сказать, что Роман обрадовался новому клиенту. Тем более, по словам Зарубина, работа будет большая, ответственная и конфиденциальная. Странно, но Михаил Абрамович так и сказал: «О сути дела не говори никому ни слова. Даже мне. Глеб Васильевич Славин будет работать только с тобой».

Доверие приятно, но перед свадьбой Роману не очень хотелось вешать на себя дела. Особенно ответственные.

Первые минуты Роман изучал гостя и вел светскую беседу как на английском приеме: погода, качество кофе, пробки на дорогах и прочее.

Обычный клиент, этот Глеб Славин. Лет ему около сорока пяти. Явно москвич. Богат, но за модой не гонится. Характер крепкий, закаленный в последних боях за место под рыночным солнцем. Глаза умные, но напряженные. В их глубине – страх.

– А теперь давайте о деле, Глеб Васильевич.

– Да, уже пора.

– Мне необходимо построить систему вашей защиты. Для этого надо знать все детали. По какой статье заведено на вас дело?

– Дело пока не заведено.

– Но в чем вас обвиняют?

– Еще ни в чем... Тут не совсем адвокатская работа, Роман. Судебного дела может и не быть вовсе. Но защищать меня надо.

– Вам угрожают?

– Формально, нет. Но я чувствую, Роман, что они хотят моей смерти.

– Кто?

– Все! Последний месяц они просто прилипли ко мне. Шагу не дают ступить самостоятельно. Ждут подходящего момента. Но не я им нужен. Им деньги мои нужны...

Роман почувствовал, что клиент сейчас может впасть в истерику. Надо успокаивать. И главное при этом понять – кто есть Глеб Славин? Шизик с манией преследования или бизнесмен, на которого наехали крутые ребята.

– Вы не волнуйтесь, Глеб Васильевич. Решим все ваши проблемы. И не с такими делами справлялись. Чего вам бояться? Вы же никого не убили, не зарезали.

– Убил... Я, Роман, человека убил. Застрелил из автомата.

В переговорной повисла тишина. Роман перебарывал неожиданное признание клиента и пытался быстро наметить линию дальнейшей беседы. А Славин гордо молчал, считая, что он сказал самое главное, и добавлять уже нечего.

Роман готов был задать десятки вопросов, но понимал, что это не лучший вариант. Можно было скатиться к допросу: кого убили, когда, где, при каких обстоятельствах? А он адвокат, а не следователь... Надо дать возможность клиенту расслабиться, выложить все самому.

– Чувствую, Глеб Васильевич, что дело ваше действительно сложное. Будем работать. Помочь вам могу только зная все детали. Расскажите обо всем по порядку.

– С чего начинать?

– С самого начала... Вы правильно сказали, Глеб Васильевич, что главное здесь ваши деньги. Вот и начните с того момента, как у вас появились первые доходы.

– Хорошо. Только не перебивайте...

«Деньги я сейчас имею большие. Очень большие. Я владелец сети бензоколонок «Кондор». Девять штук в Москве и шестнадцать за окружной дорогой почти на всех трассах.

Началось все десять лет назад из ничего. Было нас трое друзей – Илья Бабкин, Вася Анохин и я. Вместе закончили автодорожный институт и протирали штаны в НИИ. А потом, когда замаячила свобода, нанялись в частный автосервис. С деньгами стало посвободней, а главное – появился азарт.

Следим мы однажды на пустыре за своими мастерскими, пьем пиво и обсуждаем очередное задание хозяина. Велено утилизировать старый бензовоз. И одновременно всем троим в голову приходит идея.

Следующим вечером бензовоз оказывается на даче у Василия, а мы начинаем бомбить ремонтирующиеся у нас на сервисе машины. Деталька к детальке – и через месяц мы имеем новенькую, сверкающую краской передвижную бензозаправку.

Дальше схема очень простая. Заправляемая на заводе за наличные и становимся рядом с государственной заправкой. Кладем ребятам по сто баксов и у них вдруг ломается оборудование. Всего на три – четыре часа.

У них бензин дешевле, но они не работают. У нас дороже и мы рядом. Расторопно и с улыбкой. Куда автомобилисту податься?

Через два месяца мы купили еще один бензовоз. Через год имели уже пять передвижных заправок. Сами со шлангами, естественно, не работали, нанимали ребят с Украины.

Веселое было время... Понятие «крыша» тогда только появилось. На первых порах нас опекали местные менты. Деньги брали исправно, но спасти могли только от хулиганов. Когда на нас наехала Никулинская группировка, то наша крыша в погонах прохудилась. Все разбежались – жизнь дороже.

Пришлось мне общаться с самим Доном. Смешная кличка. На первый взгляд нечто испанское. Синьор, кабальер, дон Педро. Оказалось, что в миру он Виктор Олегович Кошевой. Получалось, что отец его, понятно, однофамилец, но все-таки Олег Кошевой. А он – сын красnodонца. Сначала была такая длинная кличка, потом сократилась – «Донец», а в конце концов просто «Дон».

Так вот, Дон не был похож на бандитского авторитета. Мы их представляем вроде Кашеев бессмертных – сидят в своей паутине и зыркают злыми глазами. Нет, Дон добрейший мужик. Всегда все с улыбкой, с юмором.

В нашу первую встречу он мне растолковал, что значительно дешевле платить ему тридцать процентов от прибыли, чем потерять жизнь. Действительно, справедливо... Так мы и жили.

В девяносто пятом году денег у нас скопилось столько, что мы могли построить несколько стационарных заправок. Опять же, московские власти стали прижимать бродячие бензовозы.

Долго мы совещались и решили, что пришло время разбежаться. Вася Анохин открыл магазин «Бишоп» и стал торговать электроникой. Теперь в Москве уже три таких салона. А Илья Бабкин построил элитный оздоровительный центр. Маленькие бассейны с морской водой, сауны, массажные кабинеты, души Шарко и всякая такая ерунда... Только потом я понял, что Илья полез в это дело, свихнувшись на женском вопросе. Экзотики ему захотелось.

Строил он сам. Вернее – по его проекту и под его присмотром. Так в его Центре под названием «Аркадия» появились две секретные комнаты с зеркальными окошками во все стороны. Одним словом – сиди и любуйся натуральным видом знаменитостей женского пола... Правда, потом с помощью Дона он нашел другое применение своим развлекательным окошкам.

Я же строил и строил красивые стационарные заправки с мойками, магазинчиками и даже с туалетами. Все, как в Европе!

Неприятности начались три месяца назад. Заходят ко мне в кабинет трое крепких ребят и заявляют, что они от какого-то Хруща. Теперь я должен ходить под ними и платить шестьдесят

процентов. Я даже не возмущаюсь такой наглости, а просто называю имя Дона и предлагаю разобраться с ним.

Я был уверен, что одно имя Виктора Олеговича остудит этих залетных хамов. Не их это территория! Не по понятиям этот базар! Но, нет. Это их только распалило. Они наперебой посылали Дона в разные неприличные места, называли его помойником, галахом и, что совершенно непонятно, шушарой. Я назвал их беспредельщиками и они ушли. А вечером в моей квартире на пятом этаже прострелили окна.

Я никогда раньше не видел Дона в таком состоянии. Он злился, бегал, кричал. Мне стало понятно, что Хрущ человек опасный и отвязанный. Без мозгов. Не признает ни законов, ни понятий. Воевать с ним будет сложно.

Мне усилили охрану, но мелкие пакости я получал почти каждый день. То пожар на моей заправке, то анонимные звонки жене. Не угрозы, а так, сведения о моем моральном облике.

Семью пришлось отправить на южный берег Франции, а самому жить в страхе, ожидая новых козней противника.

Наконец Дон сообщил, что ему удалось забить стрелку с ребятами Хруща. Разборка будет по полной форме, но требуется мое присутствие.

Обычно так не делают. Крыши сами должны между собой разбираться. Но эти же беспредельщики. Играют не по правилам. Захотел так Хрущ – приходится подчиняться.

Три недели назад мы встретились на пустыре за Востряковским кладбищем. У нас пять машин и у них пять. У нас взвод братков при оружии и у них.

Разборка началась вяло. Переговорщики сходились в центре круга и расходились.

Через час Дон шепнул: «Будем воевать» и сунул мне в руки автомат.

Через минуту раздался взрыв и понеслось. Стрельба, крики раненых, мат.

Я почти ничего не видел, потому что сразу бросился на землю и больно ударился грудью, навалившись на свой автомат.

Мне пришлось вскочить на ноги после крика Дона: «Окружают, Глеб! Вставай».

Я осмотрелся – и действительно, сбоку на нас бежали трое из группы Хруща. Дон стоял за моей спиной. Он поправил автомат в моих руках и заорал в самое ухо: «Стреляй! Кроши их, гадов».

Раньше я никогда не стрелял из автомата. Эта тяжелая штука начала дергаться в руках, плевать огнем, а ствол занесло куда-то вверх и вправо. Я отбросил оружие и уставился на троих нападавших. Двое в черных куртках упали сразу. Парень в светлой ветровке, тот, что был в центре, сделал ко мне несколько неуверенных шагов.

Никогда я не забуду его лицо с гримасой боли и упреком в мой адрес.

Не забуду я и клочки разорванной на груди ветровки и расплывающиеся вокруг них пятна крови.

Буду помнить и его руки перед падением. Он несколько раз очень странно взмахнул ими. Совсем как умирающий лебедь...»

Глава 3

Ракитский блаженствовал... Получилось все именно так, как он и хотел. Прежде всего, бандиты оказались очень милыми людьми и убивать его не собирались. Более того – их главный, которого все называли Доном, проявлял явное уважение к актеру как к творческой личности.

Начиналось, правда, все не самым лучшим образом.

Шкаф, чуть прихрамывая, подошел к Ракитскому, который стоял около своей машины в покорной позе «Руки вверх». Жестом ему было предложено поменять стойку и вытянуть руки перед собой. Актер моментально выполнил команду и в награду за сообразительность получил новенькие блестящие наручники, которые со звонким звуком открывающейся зажигалки «Зиппо» защелкнулись на его запястьях.

В придачу к браслетам Ракитский получил еще черную вязанную спецназовскую шапочку с прорезями для глаз. Шкаф лично натянул ее до самого актерского подбородка, но, очевидно, ошибся: прорези оказались на затылке.

Третья награда за покорность – мощный пинок в зад, который помог упаковать Ракитского на заднем сидении одной из машин. Потом была дальняя дорога и казенный дом – ночлег в подвале, обустроенном на манер камеры-одиночки: одинокий голый топчан, откидной столик, глазок в двери и параша в углу.

Но эти жизненные неудобства продлились для Ракитского всего несколько часов. Всего одну ночь. Он даже не успел испугаться.

Утром за ним пришли и повели... нет, вежливо попросили проследовать наверх к шефу.

Поднимаясь на второй этаж, Ракитский понял, что находится в шикарном загородном доме. За окном промелькнул сосновый лес, вдалеке высокий забор, а за ним просматривался соседний особняк из красного кирпича.

Перед дверью кабинета Ракитский представил, что сейчас он увидит нечто вроде Кашея в темной нише с тупыми охранниками по обе стороны и злыми собаками у ног.

Все предстало с точностью до наоборот.

Невысокий лысый симпатяга лет пятидесяти выкатился из-за письменного стола и, распахнув руки, бросился к актеру.

– Рад! Очень рад вас видеть, Сергей Олегович. Буквально вчера смотрел фильм с вашим участием и вдруг – такая удачная встреча... Вы хорошо переночевали?

– Сносно... В подвале.

– Как в подвале? Непорядок! Сейчас все исправим.

Хозяин оставил Ракитского стоять в центре кабинета и бросился к дверям, из-за которых выглядывал Шкаф. Разговор был тихим, но суровым. За исключением непечатной лексики Сергей услышал только две фразы: «самую лучшую комнату» и «подготовьте баньку по первому разряду».

Такое начало позволило Ракитскому приободриться. Он вошел в кабинет держа руки за спиной и стоял в центре комнаты столбом. При последних фразах шефа он принял стойку «вольно», гордо поднял голову, зафиксировал на лице легкую улыбку, а руки отправил в карманы мятых брюк.

Завершив «инструктаж» шеф плотно закрыл дверь и шустро побежал к серванту. Вначале он извлек два низких стакана с толстым дном. Потом на свет появилась нераспечатанная бутылка виски «Белая лошадь».

– Вы как предпочитаете, Сергей Олегович: чистенькую или со льдом и газировкой? Я лично – только чистую. Чудаки эти англичане. Такой чудесный напиток изобрели и сами же его придумали разбавлять. Виски с содовой, на мой вкус, это кошачья моча...

Говоря все это, шеф увлек Ракитского к окну, к мягким креслам по обе стороны от невысокого резного столика.

Перед первым тостом хозяин представился:

– Зовите меня Виктор Олегович. Если услышите кликуху «Дон» – так это тоже я. От отца она мне досталась. Он по паспорту – Олег Кошевой. Не тот, конечно. Тот не успел детей настрогать... Итак, за искусство!

Дон выпил свою порцию одним махом, налил еще и продолжил:

– С подвалом мы, Сергей, поторопились. Не сразу разобрались. Но ты и сам виноват. Зачем слежку за моими устроил? Ребята очень просто могли там на дороге кончить и в овражке прикопать.

– Я не следил, Виктор Олегович. Вернее, следил, но без злого умысла. Вроде – репетировал.

– Верно! Я так бойцам и сказал. Он, мол, артист. Мятущаяся душа. Нашло вдохновение – и поехал приятеля спасать. Кстати, этот пиротехник очень ершистый. Не соглашается с нами работать. Ты, Сережа, уговори его. Согласен?

Ракитский охотно кивнул и только потом сообразил, что почему-то пользуется доверием у явного бандита Дона, что получил от него задание и готов выполнять. Еще вчера такое показалось бы ему невероятным, но сейчас это было очевидным.

Долго размышлять Ракитскому не удалось. Дон налил по новому стаканчику и беседа покатила дальше.

– Давай, Сергей, за театр выпьем. Я же не просто так. Не сбоку припеку. Я сам играл и в школе, и в институте. В самодеятельности. Главные роли исполнял. Не «Гамлет», конечно, но и не «кушать подано»... Столько у меня историй с театром связано. Я и невинность из-за театра потерял. Островского играл. Я в десятом классе, а моя партнерша на год старше. И надо было мне ее по ходу действия поцеловать. Я на репетициях имитирую, чмокаю губами, но ближе чем на пять сантиметров к ее лицу не приближаюсь... Она мне однажды говорит: «Не получается у нас сцена. Нет правды жизни. Приходи сегодня ко мне домой. Родителей нет. Порепетируем...» Дорепетировались! Пришлось мне через два месяца у отца деньги стащить и доставить девочку к знакомой врачу... Зато на премьере была полная правда жизни! Давай, Серега, за театр! За нас, за артистов!

Когда от «Белой лошади» остались одни копыта, Дон перешел к деловым вопросам.

Получалось, что он, Виктор Олегович Кошевой, меценат. И хочет он, как и граф Шереметьев, создать свой театр. А Ракитскому доверялась роль режиссера-постановщика.

– Ты, Сергей, не бойся. Платить буду столько, что и Станиславскому не снилось.

– А что будем ставить, Виктор Олегович? Может быть Шекспира?

– Нечто похожее. Море крови, гора трупов. Но это не Шекспир. Писать будешь ты. А я буду тебе сюжеты давать. Первый уже есть.

– А играть где будем? Сколько зрителей?

– Играть, Сережа, будем на пустыре, а зритель будет один. Он же и участник спектакля, только знать он об этом не будет.

– Но актеров же учить надо, Виктор Олегович. Сценическая пластика, мизансцены, речь.

– Не надо их учить. Пластика у них натуральная. И речь подходящая. А вот мизансцены – это загвоздка! Ты и должен моих долболобов обучить: где кому стоять, куда бежать и как умирать. Опять же и пиротехник должен обеспечить выстрелы, взрывы, кровь... Принимать спектакль буду я сам. Пока не скажу: «Верю», ни хрена ты денег не получишь.

Но Дон только на словах был скуп. Первый аванс он выдал Ракитскому сразу же. Такие деньги актер не получил бы и за год съемок при полной загрузке.

Это обстоятельство сразу разрешило все сомнения Ракитского, включая и моральные. Он решил, что не собирается никого убивать. И грабить не будет. А как творческая личность имеет право приобщать к искусству любой контингент. Для врага все люди делятся на больных и здоровых. А для режиссера – на актеров и зрителей. И никаких бандитов!

На этой логике и под бутылку «Белой лошади» Ракитский уговорил работать и Сизова. Пиротехник сопротивлялся только до второго стаканчика и до первого аванса: «Давай взорвем всю эту шушеру!». После третьей порции он промямлил: «Почему бы и нет. Возможно ты и прав, Ракитский». А пятый тост бравый пиротехник провозгласил сам: «За Дона! Хороший он человек...»

Первый сюжет, который предстояло поставить Ракитскому был по-шекспировски прост. Встречаются две группы людей на пустыре. Представители их ведут переговоры. Долго обсуждают. Нарастает напряжение. Кульминация. Взрыв. Стрельба. И тот единственный зритель, для кого весь этот спектакль, стреляет и убивает, якобы, сразу троих.

Сложность была в том, что в пьесе совершенно не было текста. Есть роли без слов, а это была бессловесная пьеса.

Текст для переговоров писать было бессмысленно, ибо единственный зритель их все равно не слышал бы.

Ракитский предложил переговорщикам старый сценический прием. Они должны были поочередно с разной интонацией произносить фразу: «Что говорить, когда говорить нечего». Так можно было беседовать не один час. Но хмурые братки выдерживали два-три цикла и впадали в безудержный хохот.

Тогда Ракитский предложил им поочередно материть друг друга. Да позаковыристей.

Пошло! Со зрительского места и Станиславский сказал бы: «Верю!» И как не поверить? Стоят вдалеке два нахохлившихся бугая и беседуют. Один выскажет свою мысль, а глаза другого наливаются кровью, он напряженно думает и выдает нечто, заставляющее первого вздрогнуть и искать свой аргумент, свое слово в переговорном процессе. Полная правда жизни!

Все остальное было делом техники – расставить людей по местам, научить их падать и красиво умирать, когда на их груди, повинувшись пульту пиротехника, взрывается таблетка с пакетиком вишневого компота.

И вот – премьера!

Главную роль Ракитский взял себе. Именно он под занавес спектакля побежал на Глеба Славина. Именно он получил в грудь снап холостых зарядов и, взмахнув руками, упал почти у самых ног своего единственного зрителя.

* * *

После посещения адвокатской конторы «Брест» Славин успокоился. Это было странно. Ничего не изменилось. Роман Поспелов после первой встречи ограничился общими фразами: «Будем Вас активно защищать. Проверим, изучим...»

Все так, но Глеб Васильевич успокоился. Он был деловой человек и привык за хорошие деньги получать хороший товар. А то, что Поспелов не просто адвокат, не юрист-казуист, а мастер по нестандартным ситуациям, он знал точно. Романа именно в этом ключе Славину рекомендовали двое надежных людей. Друг друга они не знали и не очень распространялись о деталях своих дел, но оба произнесли почти одну и ту же фразу и с одинаковой интонацией: «Ты не поверишь, Глеб. Но этот Поспелов из такой заморочки меня вытащил... Вспомнить страшно!»

Именно поэтому Славин и перестал нервничать. Договор у него с «Брестом» есть. Деньги он заплатил. Поспелов – отличный товар. Тех двоих из их заварушек вытащил, теперь пусть его спасает.

Каждый должен заниматься своим делом. И Глеб Славин опять окунулся в свои дела, в свои бензоколонки.

Единственное, что он еще сделал для своей безопасности – вызвал к себе в Москву своего брата.

Подполковник запаса Игорь Славин уже несколько месяцев маялся без дела в маленьком уральском поселке. Службу свою он закончил бесславно, так и не дождавшись желанного «полковника». Энергии у него было еще много, но раньше он с утра до вечера наводил порядок в своем подразделении, с азартом наставлял подчиненных на путь истинный. Теперь же под его началом остались лишь квартира и жена. И в семье начались постоянные «разборки полетов».

Стало быть, поездка в Москву была для Игоря Славина благом, а для его жены счастьем.

Кроме того, братья не виделись почти пятнадцать лет и подполковник не очень внятно представлял как это Глеб «в капиталисты заделался».

Игорь быстро вошел в роль родственника – охранника. Из дома почти не выходил – там брата опекали другие. А в квартире он был полным хозяином. Входную дверь открывал только сам с молотком в правой руке.

Через неделю после визита в «Брест» Глеб Славин начал уже и забывать свои неприятности. Наглецы, наехавшие на него несколько месяцев назад, затихли. Молчал и Дон. Может быть и правда – постреляли друг в друга и успокоились все. А возможно и Пospelов что-то уже предпринял, но и он молчал.

Славин уже начал размышлять о возвращении семьи в Москву, но он явно спешил...

В четверг уже в конце рабочего дня Славин инспектировал строительство своего нового шедевра. Рядом с Московской окружной дорогой строилась бензозаправка. Да не простая, а в комплекте с мойкой, супермаркетом, маленькой гостиницей, стоянкой для дальнобойщиков, ресторанчиком, банькой и прочими завлекательными вещами.

Звонок мобильного телефона не испугал Славина. Обычно он трезвонил не меньше тридцати раз в день. Но когда в трубке раздался голос...

Говорил Дон заикаясь, чего раньше не замечалось. Текст был простой: «Все в порядке, но надо, чтобы Славин срочно к нему приехал». И больше ничего, никакой информации.

Дон, он же Виктор Кошевой, не зря любил театр и с удовольствием вспоминал свои успехи в самодеятельности. В этот день он доказал, что в нем действительно умер великий актер.

Телефонный звонок был только увертюрой. Сам спектакль начался в кабинете Дона. По полной программе – три действия с завязкой, кульминацией и финалом. Были также два антракта и театральная буфет с коньяком и бутербродами.

Смутило только начало – Дон не распахнул занавес, а плотно задернул шторы на всех окнах.

Действие, как у модных режиссеров, началось с видеозаставки. Хмурый суетливый хозяин кабинета, нагнетая тревожную атмосферу, взмахнул видеокассетой и увлек Славина к телевизору. И все эти действия без слов. Только жесты и невнятные, но красноречивые междометия.

С первых кадров Славин узнал и время, и место действия документального фильма. Снимали в тот злополучный день на не менее злополучном пустыре.

Оператор на первых порах снимал общие планы с едва различимыми силуэтами. Крупно и четко камера выхватывала только его, Славина.

Вот он под звуки выстрелов лежит, вращая в землю. Вот вскакивает и палит из автомата длинными очередями... Камера перемещается вправо и выхватывает троих, бегущих прямо на Славина. В их руках нет оружия. И вид их не очень страшный. Бегут себе и бегут.

Сначала падают на землю крайние участники забега. Правый! Потом левый! И оба в легких черных куртках.

Средний парень в светлой футболке подбегает ближе. Вот он во весь экран. Молодое приветливое лицо.

И вдруг на его груди одна за одной три пули разрывают ткань футболки. Фонтанчики крови и расплывающиеся на их месте красные пятна... Парень замирает. Улыбка переходит в гримасу боли. Несколько лебединых взмахов руками и он падает. Замертво!

Камера делает левый поворот – в десяти метрах от свеженького трупа стоит ошалевший Славин. Он продолжает давить на спусковой крючок автомата, но патроны уже кончились. Видно, как дымится усталый перегретый ствол.

Через пару секунд Славин бросает ненавистное оружие убийства и бежит к машинам.

Крупным планом – лежащий на траве автомат. Это финальный кадр...

Дон нажал кнопку на пульте и экран погас.

Славин сидел и не шевелился. Не слушались не только ноги – руки, но и язык. Очень о многом хотелось спросить. Хотелось, но не могло.

В театре труднее всего играть длинную паузу. Это могут только гениальные актеры. Дон это знал и именно сейчас очень пожалел, что бросил сцену... Он молчал две минуты и заговорил лишь почувствовав, что Славин способен слушать, отвечать и кое-как соображать.

– Беда, Глеб Васильевич. Беда! До сих пор не могу опомниться. Три часа назад они мне эту пленку прислали.

– Кто? Откуда прислали?

– Не с «Мосфильма» же! Ребята Хруща очень грамотно нас сделали. И где это они камеру спрятали? Красиво сработали... А ты, Глеб, ну прямо как герой-любовник. Все время в камеру лез. Никого больше из наших нет, а ты везде крупным планом.

– Я не хотел.

– Не хотел... А стрелять зачем начал?

– Ты же сам мне крикнул: «Стреляй! Кроши их!» Это я точно помню, Дон.

– Крикнуть-то я крикнул. Но не в том смысле. Пугнуть их надо было. В воздух пальнуть. А ты прямо по грудям... И оружие бросил. Это тоже для них козырь. Все козыри у них на руках! И автомат с твоими отпечатками у них.

– Ты, Дон, откуда это знаешь?

– Так они вместе с кассетой письмо прислали.

Это был эффектный финал первого действия. Дон неторопливо открыл все шторы, внимательно разглядывая местность. При этом он ни разу не встал прямо по центру окна. А все сбоку, выглядывая из-за стены... Достоверность роли должна быть видна и в мелочах! После короткого антракта началось второе действие. Дон читал выдержки из письма и комментировал их все более и более мрачно.

Получалось, что за убийство братков Хруща придется платить. И не Дону, а именно Славину.

Письмо было пространное. Но через массу угроз сквозило, что Хрущи очень хотят заполучить весь бизнес Славина. Все его бензоколонки, мойки, магазинчики. Но и тогда жизнь ему они не гарантировали.

Дон неуклонно подводил к тому, что ситуация создалась безвыходная. Не поможет ни бегство за океан, ни новые документы, ни пластические операции. Везде найдут и уроют. Полная безнадега!

Из последних сил Славин попытался пошутить: «Может быть мне и гроб себе заказать?» Но Дон откликнулся на этот всплеск черного юмора очень серьезно. Он ответил: «Я думаю, пора. Другого выхода нет».

Опять повисла пауза. Короткая, минутная.

Дон вдруг вскочил с места, забежал вокруг Славина и заорал:

– Придумал! Есть один выход, единственный! Будешь жить, Глеб, и радоваться. Я все стрелки на себя переведу. Пусть со мной воюют. А тебя из игры выведу и бизнес твой при тебе останется.

Дон говорил еще много и непонятно, но взволнованно радостно. Эйфория захватила Славина. Он тоже вскочил, начал хихикать и прослезился. Именно поэтому он не заметил, как в кабинете появился тихий нотариус с кипой бумаг.

Читать деловые документы Славин умел очень хорошо. Он всегда этим гордился. Нельзя читать все подряд. Ведь в многостраничных договорах всего две-три фразы имеют значение. Надо быстро их найти и думать только об их смысле. Все остальное – словесный фон.

Он сосредоточился и читал. Даже в этой суматохе после убийственного фильма, скачек на «Белой лошади» и гипнотизирующих страшилок Дона он выхватил из текста смысл договоров. Определенная логика в этой комбинации была... Получалось, что Славин всю движимость и недвижимость, все свои активы, акции и счета передает в управление фирме Дона. Временно! Всего на один год. А в случае насильственной смерти Славина все это переходит Дону навсегда.

Получалось, что Хрущ поставлен в неудобную позу: требовать со Славина нечего – тот гол как сокол. А убивать его нельзя – от Дона вообще ничего не получишь. Надо ждать год... А это хорошо. Через год либо ишак помрет, либо шах сдохнет...

Славин торопливо подписывал бумаги, чувствуя, как растворяется висевший над ним дамоклов меч.

После подписания документов высокие договаривающиеся стороны продолжили банкет.

Дон гнал картину. Он беспрестанно подливал в фужер Славина. Причем, из разных бутылок. При этом он произносил высокопарные тосты о мужской дружбе, стойкости характера, о благородном риске. Очень красиво говорил. И так проникновенно, что каждый раз Славин не мог не пить до дна.

Под занавес спектакля, считая, что Славин достиг нужной кондиции – очень плохо сообщает, но пока еще может передвигаться самостоятельно, Дон вызвал своих бойцов и грозно приказал доставить гостя к дому и усилить его охрану.

В машине Славин открыл окно и прохладный вечерний воздух начал с трудом выветривать из его головы алкоголь. К концу поездки он даже начал напевать бравадную песенку довоенных энтузиастов: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Он продолжал петь и в лифте, и даже ввалившись в квартиру и видя недовольную физиономию встречающего его брата Игоря. Игорю Славину действительно было на что обижаться. Он привык, что каждый вечер они отмечали какое-либо важное событие. И до сих пор срывов не было. Ежедневно к приходу брата была готова бутылка, закуска и повод.

С последним у Игоря вообще не было проблем. Еще в школьные годы он завел толстую тетрадь, которую разделил на триста шестьдесят пять ячеек по полстранички на день. Тридцать лет он вписывал туда даты рождений соучеников, сослуживцев, соседей. Нашли в этом талмуде свое место и события из личной жизни и карьеры, включая аварии, выговоры и очень крупные «размолвки» с женой.

Так вот сегодня планировалось отметить две важные юбилейные даты. Первая – шестидесятилетие жены начальника военного училища. Курсант Игорь Славин встречался с ней всего один раз, но общение было очень жарким и даже интимным. Вторая дата – двадцатилетие строгого выговора за утерю в тайге табельного оружия.

Игорь считал это взыскание самым несправедливым. Любой потеряет пистолет, встретившись нос к носу с медведем. Определенно, что выговора могло и не быть, если бы не простодушие молодого лейтенанта. Вот его ответы при «разборе полетов»:

- Ты зачем пистолет в лес взял?
- Обороняться.
- От кого?
- От медведей.
- А зачем оружие бросил? Или медведь у тебя пистолет отнял?
- Нет. Он сразу убежал.
- Почему?
- Испугался.
- Чего?
- Моего крика. Я как заору. И тоже бежать. Только в другую сторону...

Так вот эти две важные даты подлежали отмечанию сегодня. И стол был готов уже три часа назад. И водка в морозилке давно перемерзла.

Одним словом – Игорю Славину было за что обижаться на брата, который даже не извинился, не посочувствовал. И поет гнусно и фальшиво!

Под возглас, что ему необходимо «преодолеть пространство и простор», Глеб Васильевич начал пробираться в дальнюю комнату, в спальню.

Первым делом он включил телевизор. Это было самое простое действие – пульт под руками, за ним даже наклоняться не надо.

Теперь сложнее – снять туфли. Если развязывать шнурки, сидя в мягком кресле, то потом можно и не встать. Засосет!

Славин попытался проделать эту трудную работу стоя. Он удачно наклонился, со второго захода поймал конец шнурка, но потянул слишком сильно. Нога поехала в сторону и он плюхнулся на ковер. Не упал, а так – присел отдохнуть.

Глаза его машинально уперлись в экран. Там шла суматоха, беготня, стрельба. Знакомые картинки наших дней... Глеб уже собрался продолжить мучить непокорные шнурки, но мелькнувшее в черном ящике лицо показалось убийственно знакомым. Он видел его сегодня и тоже на экране телевизора. Или ошибся?!

Герой боевика выскочил из дома и побежал спиной к камере. Вот он взобрался на кучу хлама возле забора. Еще несколько секунд и он перемахнет на ту сторону и вместе с ним исчезнет его лицо.

Глеб дотянулся до пульта с явным намерением нажать на «паузу» и остановить действие.

Но оно продолжалось... Выстрел! Парень оборачивается. Еще выстрелы... На белой футболке расплываются красные кляксы. Он несколько раз взмахивает руками и оседает вниз.

...Славин машинально выключил телевизор и отвалился назад, полностью лег на ковер перед огромной кроватью. В таком положении кровь прилила к голове и стало лучше соображаться. Или протрезвил стресс от увиденного. Но мысли стали рождаться здравые:

«Нет сомнений, что это тот же парень. И умирал одинаково – с лебедиными взмахами рук и с мерзкой жалостливой маской на роже... И что характерно – в фильме пули ему попали в те же места, что и я. Но в кино по настоящему не убивают. А как я его убил? Пульс я у него не щупал. В раны пальцем не залезал... Значит Хрущ сделал инсценировку. Но тогда я должен был стрелять холостыми. А автомат мне дал Дон... А может и не Хрущ весь этот спектакль поставил? И есть ли он вообще этот Хрущ? Я его не видел. О нем я узнал только он Дона. И все угрозы могли быть от Дона. И автомат он мне мог дать холостой, и фильм мог снять... Что я сегодня у него подписывал? Для чего? Чтоб моя смерть стала невыгодна этому мифическому Хрущу. Но она стала выгодна реальному Дону. Очень реальному! Его ребята теперь могут появиться в любой момент и уже не с холостыми патронами...»

Звонок в дверь заставил Славина сгруппироваться. Он несколько раз перекатился вокруг своей оси и оказался под кроватью... Двойная выгода – и убежище, и с этой точки за длинным

коридором видна входная дверь. И входящие видны. Не целиком, но значительная часть – все, что ниже колен...

Брат открыл не сразу. Очевидно, разглядывал гостей через глазок и тихо вел переговоры. Затем послышались мелодичные шелчки замков и, присмотревшись Славин увидел в холле шесть ног. Две из них от Игоря... Значит гостей было двое.

Разговаривали тихо и спокойно. Под кровать залетело лишь несколько фраз: «Мы из милиции... Вы точно Славин? Покажите паспорт...»

Игорь отошел к вешалке, где всегда висел его пиджак. Вернулся и, вероятно, протянул паспорт. Десять секунд на просмотр документа и... хлопок. Не очень громкий. Славину даже подумалось, что гости принесли с собой и вдруг вскрыли шампанское.

Следующий звук был гораздо громче. Это шум падающего тела.

Один из гостей сделал два шага туда, где должна была быть голова упавшего и снова хлопок. Такой же, но более грозный и зловещий.

Славин видел, как ноги неторопливо разбрелись, осматривать комнаты. Он попытался отползти назад, к стене и расположить свое тело как можно дальше от краев кровати. В этот момент с благодарностью вспомнилась жена, которая потребовала купить супружеское ложе самых больших размеров. А он еще тогда ругался с ней. Был против, дурак! Никогда не знаешь, что, когда и для чего может пригодиться...

Ноги зашли в спальню... Один был в милицейской форме. По крайней мере – ниже колен. Казенные ботинки и характерные брюки мышинного цвета с красной полоской. Славин начал мучительно вспоминать название этой вшитой ленточки... Лампасы, они у генералов. А это – кантик, рантик, шеврон?

От этих своевременных размышлений Славина отвлек приятный баритон второго гостя. Именно того, который и стрелял. Судя по размеру обуви, это был крупный мужчина. И пиджон – темные туфли имели зеленоватый отлив и тиснение под крокодиловую кожу. Он, очевидно, был старшим и командовал парадом:

– Пора сматываться. Никого здесь больше нет... Пошуровать бы в этой хате. Столько добра пропадает. И бабки где-нибудь спрятаны. Но, нельзя! Шеф специально предупредил... Паспорт взяли, квартиру осмотрели и все!

Гости направились в холл и очень вежливо, без стука закрыли за собой входную дверь...

Для страховки Славин еще пять минут полежал под кроватью и попытался представить себе дальнейший ход событий. Через двадцать минут эти быки передадут паспорт Игоря Дону, а еще через двадцать – вернуться исправлять ошибку.

Осознав это, Глеб Васильевич выпорхнул из-под кровати и, ежеминутно поглядывая на часы, начал лихорадочные сборы. Сорванная со стены картина обнажила вмурованный в стену японский сейф. Из него на дно дорожной сумки полетели документы, пачки долларов, коробки с «фамильными драгоценностями». Все это сверху было засыпано стандартным набором отпускника: бритва, носки, платок и зубная щетка.

Уже на выходе, пробираясь бочком мимо лежащего брата, Славин вспомнил очень важную вещь. Из внутреннего кармана пиджака он вынул свой паспорт и втиснул его в руку Игоря. Из другого кармана достал записную книжку и нашел строчку: Поспелов Роман, адвокат.

Использовать телефон в кабинете Славин не решился. Возвращаться не хотелось – плохая примета.

Здесь в холле тоже есть аппарат. Он рядом. Всего в полутора метрах. Всего один широкий шаг... Глеб Васильевич зажмурился и переступил через брата...

Роман откликнулся сразу и, судя по приветственным фразам, был в веселом расположении духа. Но у Славина не было времени на пустую болтовню:

– Молчите, Роман, и слушайте... Я никого не убивал. Тот, в которого я стрелял, был актер. Его только что по ящику показывали. И он точно так же там умирал... Второе: я сегодня

подписал бумаги, после которых меня должны были убить. Но убили моего брата. А я временно исчезаю. Испаряюсь!.. Третье: они будут меня искать, а вы должны меня защищать. Я же ваш клиент... Деньги на расходы оставляю на Ярославском вокзале. Моя постоянная ячейка номер 17. Код – день и месяц нашей первой встречи... Все!

Считая, что суть дела он изложил ясно, Славин бросил трубку и выскочил за дверь. Заперев ее на все замки, он с сомнением посмотрел на лифт. Не стоит ждать! По лестнице надежней.

Славин оказался прав. Когда он спускался пешком, кабина лифта шла вверх. В ней был разозленный Шкаф в крокодиловых туфлях и его напарник в форме майора милиции.

Глава 4

Игорь Савенков заметил его еще издалека. Толстый, нахальный, широколистный. Он крепко стоял на своей зеленой ноге и, казалось, ехидно улыбался. Нет, он точно смеялся, он ржал, оправдывая свое название «конский щавель».

Трудно себе представить, что простой жизнелюбивый сорняк может вызвать такую бурю негодования. Игорь Михайлович прыгнул на бедное растение, придавив его весом в сто двадцать килограмм, и начал крутиться на месте, растирая нарушителя дачной гармонии и вдавливая его в землю. При этом он проговаривал: «Руки марать о тебя неохота».

Последнее заявление было чистой правдой. Савенков только что смыл с себя огородную грязь, готовясь переключиться с физического труда на умственный. Его подчиненные всегда отличались точностью, а это значит, что через пять минут к воротам на серой «Волге» подкатит Олег Крылов. И привезет он с собой взволнованного молодого адвоката Рому Поспелова.

Они договорились о встрече всего час назад. В сумбурном телефонном разговоре Роман сообщил о богатом клиенте, о труп в его квартире, об умирающем лебеде, и о пачке денег на вокзале. Все это пока не складывалось в ясный сюжет, но интуиция подсказывала Савенкову, что в ближайшее время ему будет не до сорняков.

Он сошел с поверженного противника и с удовлетворением оглядел место битвы – растоптанный кустик имел жалкий вид. Вообще никакого вида! Зеленое месиво.

Потирая чистые руки, Савенков направился открывать ворота...

Уже второй год с начала мая детективное агентство «Сова» переходило на летнее расписание. Это означало, что в офисе фирмы около метро Беляево базировались трое сыщиков – основные рабочие лошадки, а мозговой центр в лице пятидесятипятилетнего Игоря Савенкова перемещался на дачу.

Все, включая самого Игоря Михайловича, понимали, что для успешной работы не самый лучший вариант, когда «голова» фирмы несколько оторвана от остальных ее органов. Но приходилось мириться с притяжением земли. Тем более, что путь был недолгий и шеф регулярно вызывал своих подчиненных на ковер, вернее – на газон. В этих дачных совещаниях для молодых сыщиков была и определенная практическая выгода – в Москву они возвращались с воспоминаниями о шашлыке и с корзинками клубники, крыжовника и в крайнем случае кабачков...

Встретив ребят, Савенков усадил их на веранде и начал разговор в английском духе: о природе, о видах на урожай. Но светскую беседу Роман Поспелов не поддержал. Он сорвался уже на первой минуте:

– Простите, Игорь Михайлович... Очень важное дело... У меня свадьба на носу, а я в такое вляпался... Я, главное, сам во всем виноват. Мне клиент доверился, а я неделю ни черта не делал. Теперь вот труп в его квартире. Труп есть, а клиента нет!

– Стоп, Роман! Успокойся... Так как, говоришь, твоего клиента зовут?

– Славин. Глеб Васильевич. Бензоколонка у него.

– Слышал о таком... Молодец, Роман. Уже выдал первую четкую информацию. Продолжай в таком же духе. Без эмоций, одни факты.

– С чего начинать, Игорь Михайлович?

– С конца!

Поспелов не понял иронии или действительно решил, что запись последнего разговора со Славиним сразу объяснит все... Он вытащил кассету и вопросительно посмотрел на Савенкова, который не менее выразительно взглянул на Олега Крылова. Последний, выполняя молчаливый приказ руководства, сбегал в дом и принес магнитофон.

Роман записал не весь монолог Славина, но самое интересное: «... Я никого не убивал. Тот, в которого я стрелял, был актер...»

Запись прослушали три раза, после чего Савенков демонстративно почесал затылок:
– Интересно, Роман. Но непонятно. Теперь давай с самого начала рассказывай.

Поспелов вздохнул, прикрыл глаза и начал тоном сказителя:

– Недавно к нам в адвокатскую контору «Брест» пришел странный клиент...

За полчаса Роман выложил все, что помнил. И особенно подробно – свои действия после звонка Славина:

– ... Первое, что мне в голову пришло – найти актера. Есть у меня контакт на телевидении. Старая знакомая... Одним словом, прошерстили по всем каналам и нашли фильм, где за десять минут до звонка Славина убивают героя, и он также руками машет. Как умирающий лебедь.

– Актера установил?

– Да. Это некто Сергей Ракитский... Поехал к нему домой, но пусто. И тут я совершил грабеж.

– Что?!

– Я вскрыл его почтовый ящик. Совершенно случайно. Своим ключом. У меня вообще такое впечатление, что в Москве все ящики можно тремя ключами вскрыть...

– Каков результат грабежа?

– Письмо Ракитскому от родителей из Полтавы. Вскрыл аккуратно. Над паром. Как учили.

Савенков пробежал глазами письмо и отложил его в сторону.

– Колись дальше, Роман. Что еще вскрыл?

– Вскрыл ячейку на Ярославском вокзале. Там банковская упаковка долларов.

– Десять тысяч?

– Да.

– И больше ничего?

– Нет. Ни вещичек, ни записочки... На обратном пути проехал мимо дома Славина – толпа зевак и две милицейские машины.

Последний вопрос Савенкова был странным, несущественным и не относящимся к делу:

– У тебя когда свадьба, Роман?

– Через три дня... Мы же вам и приглашение направили.

– Получил. Все в порядке, Роман. Обязательно будем у вас на свадьбе. И Наташа твоя нам очень нравится... Любительница приключений.

– Еще какая!

– Похоже, Роман, я вам смогу устроить свадебное приключение... Пока ясно, что клиент тебе верит и щедро платит. Надо отрабатывать. Верно?

– Именно так.

– И мы будем помогать, если ты нанимаешь «Сову» на деньги клиента.

– Именно так.

– Тогда, ребята, готовьте шашлык, а я пойду к телефону.

Савенков задержался в доме надолго. Похоже, что у него был не один разговор, и не два, и не пять. Вышел он на веранду настолько озабоченный, что даже не взглянул на уже готовый шашлык. Лишь носом повел в его сторону.

– Дело осложняется, ребята. Я тут Дибичу звонил. Наш генерал полностью в курсе этого дела. Он мне такое выдал...

До сегодняшнего утра следствие рассматривало лишь одну основную версию: старшего брата Игоря Славина убили, а Глеба похитили. О возможном братском убийстве даже и не думали. Не тот случай.

У дома Славина на сутки оставили пост – перехватить Глеба, если тот вдруг вернется. И действительно, утром к сержанту подходит человек и заявляет, что он Глеб Славин. На вежли-

вое: «Надо бы проехать на Петровку» он пугается, бежит, стреляет под ноги постовому, теряет по дороге пистолет и кейс с документами, вскакивает в машину, делает рывок и бросает авто через километр.

После такого нахальства все становятся на уши и вот результаты:

- машина краденная, отпечатков на руле нет;
- пистолет тот, из которого убили Игоря Славина, но опять же без отпечатков;
- в кейсе документы Глеба Славина, но, так сказать, не первой руки: ксерокопия его паспорта, договора, банковские платежки;
- по фотографии сержант неуверенно опознает Глеба Славина...

Всю эту информацию Савенков озвучивал с выражением, делая многозначительные паузы и выделяя голосом самые важные места.

В последней фразе он сделал ударение на слове «опознал». Оглядев ребят, которые с трудом пережевывали неожиданные и совершенно ошеломляющие сведения по делу Славина, Савенков решил, что может устроить себе двухминутный перерыв и пожевать остывающий шашлык.

Первым опомнился Роман Поспелов. Сработала адвокатская жилка, если появилась информация против клиента, немедленно надо найти контраргументы:

- Не верю я, Игорь Михайлович, что Славин убил брата.
- А факты что говорят?
- Не факты это, а «липа»! Отпечатков нет ни на руле, ни на пистолете?
- Нет.
- А почему?!
- Хорошо задал вопрос, Роман. Отвечай, жду... Не знаешь? А вот я знаю: в перчатках был тот самый Славин. Сержант не запомнил цвет рубашки у этого субъекта, но за тонкие бежевые перчатки отвечает головой.

– А зачем Славину перчатки в такую жару?

– Еще один хороший вопрос. Тебе, Роман, не адвокатом, а следователем надо работать... Вопрос хороший, но глупый. Ответ есть даже в старой песенке Высоцкого. Помните, о шпионе Джоне Ланкастере, который ходил... вечно в кожаных перчатках, чтоб не делать отпечатков».

Теперь настала очередь Олега Крылова. Очень приятно выглядеть в глазах руководства сообразительным, вдумчивым сотрудником:

- Я считаю, Игорь Михайлович, что стрелявший в сержанта не был Славиним.
- Допустим. Но по фотографии тот его опознал.
- Да, но вы не зря сказали: опознал неуверенно... Уверен, что дело было так: получив от Славина все необходимые подписи и печати, Дон решил его убрать. Но ошибка вышла – убили брата. Утром опомнились и стали исправлять: взяли тот самый пистолет, наспех загримировали кого-то под Славина, наспех подбросили в кейс связанные с ним документы – и дело сделано, стрелки переведены.

– Похоже, Олег. Но если так, то они сделали только часть дела. Теперь им надо срочно найти и убить Славина. И свидетеля убирают и имущество его прикарманивают... Теперь беднягу Глеба Васильевича будут искать три мощные силы: братки от Дона, менты от Дибича и сыщики от Савенкова!

На последней фразе Олег и Роман вскочили по стойке смирно. Они давно работали вместе с Савенковым и перестали удивляться его манере шутить и иронизировать в любых ситуациях. Сейчас они просто подыгрывали ему, создавая торжественный фон его речи:

– Именно тот, ребята! Братки найдут – убьют. Менты найдут – посадят. Мы найдем – защитим невинного и от первых, и от вторых... Слушай мою команду! Ты, Олег немедленно начинаешь искать Славина.

– Где его искать, Игорь Михайлович? Где?!

– Где, где? В Караганде. И в других городах тоже... Варвара уже отрабатывает его связи. Завтра я Дибича ограблю. Он мент добрый, хоть и генерал. Поделится информацией... Ты и сам, Олег, мозгами пошевели. Я так думаю, что Славин ни самолетом, ни поездом не поедет. Не дурак он... Электричка или попутная машина... И постарается осесть в Подмоскowie у дальних родственников или знакомых... Лучше у одинокой знакомой... Наводки получил? Дерзай, Олег!

– Понял, шеф.

– Теперь ты, Роман... Вот тебе листочек с текстом и телефоном. Позвонишь, скажешь, что от меня. Тебе изготовят новое письмо от родителей актера Ракитского. Проследи, чтоб завтра вечером оно попало к нему в руки. Теперь ты его троюродный брат и едешь с молодой жинкой покорять Москву... Через три дня он должен встретить тебя на Киевском вокзале.

– Но у меня свадьба через три дня.

– Одно другому не мешает. Со свадебного стола мы отвезем вас в Калугу и ночью посадим в проходящий поезд из Полтавы. Утречком в Москве тебя встретит троюродный брат Сережа Ракитский... Радуйся, Роман! Очень нестандартная у тебя будет первая брачная ночь.

– Но, Наташа...

– Вот с невестой я сам поговорю. Я умею женщин уговаривать... Задание получили? Работать, ребята... А я пока здесь, на огороде потружусь. Дело не менее ответственное, чем борьба с преступностью. Там проще. Нашел банду, подрезал, посадил и пять-десять лет их нет. А здесь: неделю назад подрезал группу одуванчиков – так они опять стоят во весь рост и честной клубничке жить не дают.

* * *

За последние сутки Олег узнал о пропавшем Славине намного больше, чем тот сам знал о себе.

Несколько сотрудников «Совы» металась по Москве, дотошно расспрашивая о связях бизнесмена. И если первоначальный список содержал около десяти человек, то к исходу дня возможных мест укрытия исчезнувшего Глеба Васильевича было уже более пятидесяти. Здесь, в этом странном списке собрались все от школьных друзей Славина до современных близких ему акул бизнеса, включая Виктора Кошевого по кличке – Дон.

Вся эта гора информации стекалась к Олегу, а он сортировал ее. Особое внимание уделялось подборке под длинным, но точным названием «Одинокие особы женского пола, прожившие когда-либо глаз на Славина и имеющие дачу или место жительства в Подмоскowie». Таковых оказалось семеро и Олег перекладывал карточки с их именами, определяя степень важности. На последнем месте оказались две дамочки в возрасте «далеко за тридцать», которые активно готовились потерять статус одинокой женщины. И в этот момент прятать у себя Славина возможно романтично, но весьма рискованно: потенциальные женихи могли их не понять. Какие никакие, а будущие мужья. Разумней иметь синицу в руке, чем Глеба у себя на даче.

Еще трое отпадали по причине всеобщей известности их отношений со Славиним. О них знали все, а значит и Дон, и милиция. Не мог же, действительно, осторожный Глеб Васильевич прятаться у своей секретарши в Мытищах...

Обычно работу по раскладу версий проводил сам Савенков. На то он и аналитик. Задача же Олега была всегда конкретной: догнать, схватить, выкрасть... Задачи тоже не для слабых умных. Это тоже сообразить еще надо, как быстрее догнать, крепче схватить и незаметней выкрасть. Но направление всегда давал шеф. А здесь – один друг Славина в Загорске, другой в Зарайске, а третий в Обнинске. Из двух оставшихся перспективных одиноких женщин – одна

имеет коттедж на западе около Рузы, а вторая живет в городке Протвино, что недалеко от Серпухова. Ну куда бедному сыщику податься?!

Крылов с тоской посмотрел на телефон и, когда раздался звонок, он схватил трубку без всяких сомнений:

– Слушаю, Игорь Михайлович.

– Откуда узнал, что это я?

– Интуиция. Очень ждал вашего звонка.

– Это хорошо, Олег, что ты такой прозорливый. Я, было, уже хотел в Москву ехать, но вижу, что помощь моя не нужна.

– Очень нужна, Игорь Михайлович!

– Приятно слышать. Но я здесь останусь. У меня, Олег, паучки на малине появились. Очень вредные твари. Буду их травить. Ну, об этом потом... Слушай! Дибич сообщил, что они нашли машину Славина. Стоит она на Переяславской улице, чуть подальше кинотеатра «Перекоп».

– Там же платформа Каланчевская.

– Именно, Олег. Этот Славин заехал на Ярославский вокзал, оставив для Романа деньги в ячейке и вперед – через площадь трех вокзалов, под мост, правый поворот и на Каланчевку. Там бросает машину и...

– И на электричку!

– Верно, Олег. Только станция там неудобная. Электрички и на север, и на юг до Серпухова.

Дальнейшие инструкции Олег слушал невнимательно. Он уже и сам знал, что будет делать в ближайшее время. Только что он читал информацию об одной из «одиноких».

Женщина в возрасте «ягодка опять», Татьяна Пронина, имеющая двухкомнатную квартиру в десяти километрах от Серпухова, в городке физиков Протвино.

Пронина была подругой жены Славина. В ходе утренних опросов о ней упомянула лишь сестра Марины Славиной. И упомянула в самых нелестных выражениях:

– Вертихвостка она, эта Татьяна. Она еще до свадьбы Славиных успела сбежать замуж и развестись. Потом она периодически появлялась у Славиных, глазки Глебу строила... Я сама слышала, как она приглашала его в свое вонючее Протвино: «Ах, у нас Ока рядом. Ах, такая рыбалка. Ах, в квартире так скучно. Нет мужской руки. Гвоздя некому забить...». Гвозди ей от Глеба понадобились! Ей бы не стену, а другое место гвоздями забить...

Это и много еще любопытного рассказала сестра мирно отдыхающей на юге Франции Марины Славиной. Не сказала она только одного. Не сообщила, что это был повтор рассказа, что за час до Крылова у нее был некто, представившийся как Иван Шорохов, секретный опер из МУРа. И историю Татьяны Прониной она рассказывала и ему, этому большому, солидному человеку, огромному, как шкаф.

* * *

Пока Олег дергался в автомобильных пробках Садового кольца и Волгоградского проспекта ему не хотелось думать о деле. Не стоило отвлекаться. Опасно. Начнешь выстраивать версии исчезновения короля бензоколонок Славина, замелькают перед глазами фигуранты дела – и порядок! Или ты протаранишь неожиданно затормозивший грузовик, или тебя припечатает снующие сзади иномарки.

Нельзя сказать, что он вообще ни о чем не думал. Мысли приходили разные, но, робко заявив о себе и видя, что хозяин занят дорогой, уходили без определенного решения.

Так вспомнилось, что через два дня надо прибыть на свадьбу Ромы Поспелова. Отказаться нельзя. Святое дело. Первая свадьба один раз в жизни бывает... Значит надо покупать подарок. А когда?.. И с кем оставить Настю – маленькую.

У Олега в семье было две Насти – трехлетняя дочь и жена. Вначале, естественно, появилась жена. И через год совместной жизни он уверился, что нет на свете лучшей женщины и нет имени, лучше, чем Анастасия. Поэтому когда пришло время дать имя дочери, у Олега сомнений не было. Тем более, что мать новорожденной легкомысленно предоставила ему право выбора. Так появилась Настя – маленькая...

Еще раз о жене Олег вспомнил уже проскочив Кольцевую автодорогу и стремительно удаляясь от Москвы по довольно свободному Симферопольскому шоссе.

Если честно, то о Насте – большой ему напомнила не любовь, а голод: «Пора бы перекусить... А жена сейчас приготовила ужин. Кормит дочку. Ждет...»

Олег притормозил у обочины, достал сотовый и, нажав три кнопки, послал сигнал в свою уютную московскую квартиру, туда, где жена, дочка, ужин.

Жена сыщика поняла все сразу: опять этот «нехороший» Савенков направил мужа кого-то искать, догонять, ловить. Ее сейчас мало интересовали детали. Главный вопрос – когда?

– Настенька, я очень постараюсь пораньше... Только к очень позднему ужину. Где-то в час ночи. Или в два... Нет, не на Камчатку. Ближе, в Протвино. Это за Серпуховом... И я буду скучать. Я уже скучаю!

Олег спрятал сотовый и начал разгон старенькой служебной «Волги». Обижаться на нее было нельзя – она много и честно потрудилась, но возраст давал себя знать.

Академгородок Протвино удивил Олега. Строители ловко вписали три десятка солидных кирпичных девятиэтажек в старый сосновый лес. Уличные фонари подсвечивали огромные деревья, каменные мостики, детские городки из разных бревен. Сказка! Тем более, что ночью было почти не видно последствий наступающего запустения и ветхости бывшего «флагмана советской науки».

Нужный дом Олег отыскал быстро, сделав всего три круга по городу... На седьмой этаж его доставил скрипучий экзотический лифт, на стенах которого соседствовали формулы высокомолекулярных соединений и общепринятые в подобных случаях короткие слова и фразы.

Вот и дверь в квартиру Татьяны Прониной. Дверь, как дверь. Только приоткрытая чуть-чуть.

Олег хорошо представлял, что обычно встречается сыщику в таких незапертых квартирах. Он заглотнул побольше воздуха, принял боксерскую стойку и плечом толкнул дверь, стараясь сделать это ласково и тихо.

Дверь намека не поняла и заскрипела. Противно и громко.

Поскольку скрытое проникновение в квартиру не заладилось, Олег решил хитростью успокоить возможного противника. Он громко постучал в дверь, громко потопал по коридорчику и еще громче заорал:

– Татьяна. Ты где? Это я, сосед Вася. Я за солью пришел.

После первых пяти метров по страшной квартире Олег замер и прислушался... Враг не проявился.

Рывок в пустую кухню и снова крик:

– Татьяна. Так я возьму у тебя горстку соли? Завтра отдам. С процентами.

Опять тишина.

Бросок в ближайшую маленькую комнатку и новый вопль:

– Так спасибо за соль, Татьяна. Я у тебя простую взял, а отдам итальянскую. С кальцием, йодом и бромом.

И опять тишина. Ни звука. Только противный настораживающий запах гари. Не едкий дым пожара, а вонь тлеющих тряпок и резины. И появилась она с приближением к большой комнате.

Олег прихватил со стола высокую хрустальную вазу с металлическим ободком наверху. Он взял ее как дубину и даже взмахнул несколько раз, примеряя возможный удар по противнику. Он был почти уверен, что во второй комнате труп. А значит, была вероятность, что и убийца еще там.

К двери он подходил мелкими шажками, прижимаясь к стене.

На пороге смрад усилился до такой степени, что зашекетало в носу и зашипало глаза.

Олег толкнул плечом полуоткрытую дверь и ворвался в комнату, оглядываясь и размахивая хрустальной дубиной. Через пару секунд он замер, двигая лишь глазами с одного предмета в центре комнаты на другой.

Меньшим по размеру предметом был стул, на котором стоял включенный в сеть утюг. Не современный с яркими пластмассовыми кнопками, а утюг из застойных времен – массивный, с одним черным рычагом и проводом в оплетке из разноцветных ниток. Он уже давно прожег ткань сиденья и утонул в мягкой резине, которая под ним кипела и источала смрад.

Олег сделал два шага к стене и выдернул из розетки провод утюга. Все это он проделал, не сводя глаз со второго шокирующего предмета. Это была кровать. Вернее, не она сама, а то, что лежало на ней – совершенно обнаженная женщина лет сорока пяти. И, судя по горящим глазам, никак не убитая, а очень даже живая. Говорить, а тем более кричать она не могла из-за пластыря, прикрывавшего ее губы от скулы до скулы.

И двигаться она не могла – руки и ноги были притянуты бельевой веревкой к спинкам по всем четырем углам широкой кровати. Еще одна веревка перетягивала женщину поперек живота, не давая возможности даже пошевелиться.

На несколько секунд Олег зафиксировал взгляд на большом примитивном узле с бантиками. Место, где он находился, было деликатное, над пупком, но развязать его надо было в первую очередь.

Олег попытался поставить мешавшую ему вазу на телевизор, но японская округлая техника не хотела держать старинный хрусталь и праздничным салютом осколки разлетелись по паркету. Дальше всех, к окну укатился серебряный ободок, сопровождая свой путь мелодичным звонком.

В голосе у Олега промелькнула глупая оптимистическая присказка: «На счастье» и он принялся за центральный узел, который в спешке из-за дрожания рук не развязывался, а завязывался.

Пришлось наклониться и, зажмурив глаза, разрывать его зубами.

С остальными узлами он разделался быстрее – или они были проще, или навык появился.

Она продолжала лежать, почти не шевелясь. Только опустила руки вдоль тела и чуть потрясла ими, разминая затекшие кисти.

Олег поднес руки к ее лицу, ухватился за край пластыря и, предупредив, что может быть немного больно, резким движением сдернул заплатку с ее губ.

Он понимал, что женщина должна находиться в шоке, и ожидал крика, паники, истерики и других запоздавших реакций. Он ожидал, что первым делом она сорвет с кровати плед и немедленно прикроет места, которые обычно не показывают мужчинам до знакомства.

Татьяна Пронина, если это была она, легко соскочила с кровати и, благодарно улыбаясь, встала перед Олегом.

Олег вспомнил, что шоковые и стрессовые реакции непредсказуемы. Одна дамочка спасла себя от насильника закричав в самый ответственный момент «Ура!!!». Сделала она это неожиданно и для себя и для преступника. Тот вскочил и, еще не начав свое черное дело, убежал.

Всякое бывает в шоке... А эта вот просто стоит голая и улыбается. Много лучше, чем слезы, крики, визги... И чего ей стесняться – для сорока пяти лет фигурка у нее даже очень и очень...

Олег почувствовал, что сам находится в легком шоке. С огромным трудом он сделал несколько шагов, обходя по максимально возможной дуге спасенную им женщину. Благодарную, молчаливую и неподвижную.

Только укрыв ее пледом, Олег решил, что пора начинать разговор. Это и ее успокоит, и информация по свежим следам может быть самая важная.

– Вы Татьяна Пронина?

– Да.

– Вы не волнуйтесь. Все плохое уже позади... Вы одевайтесь, а я к окну отвернусь. Мне очень много надо у вас спросить... Только вы обязательно одевайтесь, я то я сосредоточиться не могу. Договорились?

– Договорились. Вы только дверь входную закройте.

Это порадовало Олега. Шок должно быть не такой уж сильный, раз она про запоры вспомнила. И голос звучал спокойно и чуть-чуть игриво.

Олег бросился в коридор намеренно долго возился с замками. Именно столько, сколько по его мнению требуется для полного облачения самой медлительной женщине.

Выждав еще три минуты Олег вошел в комнату. Процесс одевания пошел, но был он в самой начальной стадии. Плед опять возвратился на кровать и на нем был разложен набор кружевных вещичек, первую из которых Татьяна стала натягивать заметив Олега.

Пришлось зажмуриться и проскочить к окну.

– Итак, вы есть Татьяна Пронина и у вас живет Глеб Васильевич Славин.

– Нет, не живет. Он сегодня утром уехал.

– Так это он вас связал? Связал и уехал?

– Что вы! Глебушка очень добрый человек. Мы с ним душа в душу живем... Правда очень редко.

– Значит не он вас к кровати привязал. А кто?

– Кто, кто... Он не представился. Пришел ко мне два часа назад. Вытащил огромный нож, заставил раздеться и привязал... Я вначале думала, что насиловать будет, а он, как и вы, сразу стал вопросы о Глебе Васильевиче задавать.

– А вы знаете, где Славин?

– Знаю.

– Где?

– Не скажу.

– Это хорошо. Значит вы и тому, кто вас привязал, не сказали.

– Тому бугаю сказала. Не сразу. Но он меня чуть всю утюгом не выгладил. Вот смотрите, на бедре даже красное пятнышко есть от ожога.

Олег не стал поворачиваться – бедра Татьяны Прониной он разглядел достаточно хорошо... Вопросов было очень много, но не было времени их задавать. Ясно, что человек от Дона его, Олега Крылова, обскакал. Сейчас он догоняет Славина и пока у них разрыв в полтора или два часа. Дорога каждая минута.

– Татьяна, этот, как вы говорите, бугая, чуть вас не убил и собирается убить Славина. Так?

– Похоже.

– Я спас вас. А вы, Татьяна, можете спасти Глеба Васильевича?

– А как?

– Вот именно. Сами вы не знаете, как это сделать. А я его спасу. Вы только скажите, где он сейчас.

Пауза длилась больше минуты. Олег не мешал Татьяне соображать. И правильно сделал. Ее следующее заявление было уже не столь решительным.

– Вас как зовут?

– Олег.

– Я вам, Олег, намекну, где Славин. Он у моей подруги.

– Так бежим к ней! Бугай уже давно там.

– Бежим? Ой, не смешите меня, Олег. Подруга живет в Сочи. Даже еще дальше.

– Хоста? Адлер?

– Почти Адлер. Еще чуть подальше. На самой границе с этими... ну, у которых мандарины растут. И река там, как вино называется.

– Псоу?

– Точно! Вы удивляете меня, Олег. Вы не только красивый и смелый. Вы еще и умный... Я так решила: немедленно едем спасать Глеба. Вам придется меня взять. Точного адреса подруги вы не знаете. Под какой фамилией уехал Глеб – тоже не знаете. И этого бугая только я видела.

Говоря все это, Татьяна вытащила из шкафа сумки и начала бросать в них все подряд.

– Я вам, Олег, кое-что из пляжной одежды возьму. Тут от моего последнего мужа столько приличных вещей осталось.

– Он у вас умер?

– Нет, Олег. Сбежал! Да так резво, что ничего с собой взять не успел. Только пустую сумку для картошки. Я его с ней на рынок отправила, а он через день звонит мне из Ростова. «Прости, не жди, не ищи...» Очень он мне нужен! Искать его еще... Плавки я тебе, Олежек взяла. Надо купальник не забыть. Море сейчас там очень теплое.

Глава 5

Двести баксов сделали свое дело. Соседей Славина по купе «из-за угрозы обрушения верхних полок» проводник с извинениями, но настойчиво переселил на другие места. Но все были довольны. Солидной даме досталась очень ей нужная нижняя полка в соседнем купе. А молодая пара переехала в двухместное служебное. Ребята так горячо обрадовались, так стремительно собирали вещи, что Глеб даже усмехнулся, представив действия страстной парочки, когда они запрутся в своем отдельном номере.

Глеб Славин остался один. Он так хотел не потому, что стеснялся или боялся людей. И типичного для новых русских гонора у него не было. Просто ему надо было обдумать и под стук колес разложить все по полочкам. До сих пор такой возможности у него не было. Только паника, суматоха и гонка.

Даже в последние два дня у Татьяны. Ни минуты покоя! Ее энергия была приятна, но лишь несколько часов. Через день она утомляла. Через неделю – раздражала. Через месяц – злила.

Но злиться на Татьяну Славин не мог. Во-первых, он никогда не жил у нее целый месяц, даже недели не случалось. Во-вторых, она была добрая, заботливая и страстная. Она столько сделала для него в последние дни...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.